

*Письма святителя
Игнатия (Брянчанинова)
К 150-летию блаженной кончины
1867-2017*

Аннотация

Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, - не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних (Ам. 8:11). Святитель Игнатий, 150 лет назад, повторяя эти слова пророка, со скорбью писал, что в его время уже трудно было найти наставника не прелестного. Но при этом указал на ещё сохраняющуюся возможность для ищущего христианина обрести путь спасения: *«жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братьев»*.

Настоящее издание писем Святителя о духовной жизни является не только одним из таких истинно *отеческих писаний*, но и тем необходимым *советом*, в котором так нуждаются современные христиане.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Святитель Игнатий (в миру Дмитрий) происходил из старинного дворянского рода Брянчаниновых. Отец его, Александр Семенович Брянчанинов, паж императора Павла Петровича, был предводителем дворянства Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Мать, Софья Афанасьевна, родила сына после горячих молитв и паломничеств по святым местам. Дмитрий родился 5 февраля (по ст. стилю) 1807 года в родовом имении Брянчаниновых в селе Покровском.

Очень талантливый и не по годам серьезный отрок получил прекрасное домашнее образование, о чем свидетельствует, в частности, знание им к 15-ти годам нескольких европейских, древнегреческого и латинского языков. С детства он выделялся среди всех своих братьев и сестер разносторонними способностями и особой любовью к уединению, чтению и молитве.

Когда Дмитрию исполнилось 15 лет, отец повез его в Петербург для продолжения образования. По дороге в столицу сын впервые открыто высказал отцу желание стать монахом, но тот не обратил на это внимания.

Блестяще сдав вступительные экзамены в Главное Военное Инженерное училище (при конкурсе более четырех человек на место) Дмитрий не просто оказался первым, но и был единственным, которого зачислили сразу во второй класс. Первым по успеваемости он оставался и до конца обучения. В эти годы он был желанным гостем во многих великосветских домах. На литературных вечерах в доме своего родственника президента Академии художеств А. Н. Оленина, Брянчанинов был любимым чтецом и декламатором, а своими

литературно-поэтическими дарованиями приобрел благосклонное внимание А. С. Пушкина, А. Крылова, К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича.

В ту эпоху разнообразных мировоззренческих и религиозно-мистических течений он усиленно ищет ответ на вопрос: в чём же смысл жизни, где истинная вера? Он много читает различной философской и особенно религиозной литературы. Изучает сочинения восточных и западных христианских подвижников. И вскоре знакомится с монахами Валаамского подворья и Александро-Невской лавры. Они и помогли ему найти то, к чему стремилась его душа. Чтение творений святых отцов, назидательные беседы с иноками лавры, через которых он познакомился со старцем **Леонидом** (впоследствии Оптинский иеромонах **Лев**), открыло ему истинность Православия и окончательно укрепило в желании вступить на монашеский путь жизни.

Позднее в своей замечательной статье «Плач мой» он так писал о своем душевном состоянии в то время:

«Пред взорами ума уже были грани знаний человеческих в высших окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба!.. Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельскою кротостию; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой истинной веры христианской, через осмнадцать столетий по воплощении Бога-Слова. Ах! в каком тягостном недоумении плавала душа моя!..

И начал я часто со слезами умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению, чтобы указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучить веру в источниках — в писаниях святых Отцов. «Их святость, — говорила она мне, — ручается за их верность: их избери в руководители». Повинуясь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих, с жадностью начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? — это их согласие, согласие чудное, величественное...

Чтение Отцов с полною ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены вероисповедания западной

Европы, как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой...

Оно [чтение Отцов] научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях готовят ко входу в великопленные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети».

Окончив Инженерное училище в 1826 году в чине поручика, Дмитрий Александрович сразу же подал прошение об отставке, заявив о желании уйти в монастырь. Это вызвало взрыв возмущения у его августейших покровителей. Родители также категорически отказались благословить его на этот путь. Император Николай I вместо отставки предписал ехать ему в Динабург для руководства строительством крепости. Там он скоро сильно заболел, и осенью 1827 года его повторное прошение об отставке было принято.

Прилепившись всей душой к старцу Леониду, он всюду следует за своим духовным наставником, который вынужден был за короткое время сменить несколько монастырей¹. В 1831 году Брянчанинов принимает монашеский постриг с именем Игнатия в честь священномученика Игнатия Богоносца. И в том же году епископом Вологодским Стефаном был рукоположен в иеродиакона, затем — в иеромонаха и затем возводит в сан игумена.

Но вскоре император Николай I вызывает отца Игнатия в Петербург и при личной аудиенции объявляет ему: «Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Так, вопреки своему желанию, отец Игнатий оказался настоятелем столичного монастыря. 1 января 1834 года его возвели в сан архимандрита. Через 4 года его назначают благочинным всех монастырей Петербургской епархии.

Имя архимандрита Игнатия было широко известно. Его хорошо знали и ценили митрополит Московский Филарет (Дроздов), митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), другие архипастыри Церкви, настоятели и насельники многих монастырей, духовные и светские лица, ищущие духовной жизни. Знакомства с архимандритом Игнатием, его советов и наставлений искали многие известные люди России: М. И. Глинка, К. П. Брюллов, князя А. Н. Голицын и А. М. Горчаков, княгиня Орлова-Чесменская, герой Крымской войны флотоводец адмирал Нахимов и др. О нем в своем рассказе «Инженеры бессребреники» писал Н. С. Лесков.

¹Отсюда иногда встречается нелепое обвинение Брянчанинова, что он вопреки монашескому правилу, «бегал» по монастырям. А он в то время не был даже послушником, оставаясь мирянином.

27 октября 1857 г. архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. При наречении он открыл стремления своей души: *«Во дни юности своей я стремился в глубокие пустыни, но я вовсе не мыслил о служении Церкви в каком бы то ни было сане священства. Быть епископом своего сердца и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные Духом, — вот высота, к которой привлекались мои взоры».*

В 1861 году свт. Игнатий уходит на покой в Николо-Бабаевский монастырь. Здесь он внимательно пересмотрел свои сочинения, написал новые. Множество его назидательных писем относится к этому периоду.

30-го апреля (по ст. стилю — 13 мая по н. ст.) 1867 года, в Неделю жен мироносиц, келейник застал святителя лежащим на постели с раскрытым каноником. Смерть застала его ум занятым молитвою. Но его служение не прекратилось и по смерти.

Творения свт. Игнатия уже при его жизни получили благодарное признание современников.

— Многочисленные издания творений Владыки Игнатия и по его кончине быстро расходились по обителям и частным лицам по всей Русской земле. Это продолжается до настоящего времени. Даже на далеком Афоне творения святителя получили известность и благоговейное одобрение.

— В настоящее время творения Святителя для ищущих духовной жизни приобретают особую ценность. Они не только являются верным указателем правильной христианской жизни, но и ограждением от всевозможных ошибок и заблуждений на этом пути.

Святитель Игнатий был причислен к лику святых Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1988 году.

Ценность письменного наследия святителя Игнатия заключается в том, что оно создано на основе тщательного изучения аскетических творений святых Отцов и испытано в горниле собственного подвижнического опыта. Его творения дают ясное понимание всех важнейших вопросов духовной жизни и опасностей, встречающихся на ее пути. Они излагают святоотеческий опыт богопознания применительно к психологии и силам человека ближайшей к нам по времени и по степени омирщённости эпохи. Творения святителя Игнатия являются действительно лучшей школой духовной жизни. Игумен Никон (Воробьев) писал о нем: *«Лучшего учителя для нашего времени нет!»*

«Азбука духовной жизни»²

² Преподобный Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. 2 августа 1909 г.

*«Для нашего времени нет лучшего
путеводителя в таинственную
Землю Обетованную, как творения
епископа Игнатия Брянчанинова».*
Игумен Никон (Воробьёв)

В настоящее время, когда в Россию с Запада и Востока мутным потоком хлынули самые разнообразные мистические и религиозные движения, перед нашим человеком с особенной остротой встают вопросы: в чём же заключается истина жизни, каков её смысл, и где, на каком пути можно найти ответ? Для православного христианина эти вопросы касаются, прежде всего, понимания самой сущности духовной жизни, её законов, опасностей на её пути, поскольку без знания этого, она окажется или бесплодной, или приведёт к печальным последствиям. Но знание и понимание этих вопросов в настоящее время очень затруднено в связи с отсутствием духовно опытных руководителей.

На первый взгляд о духовной жизни достаточно говорит двухтысячелетний опыт Церкви в лице её святых подвижников, их огромного письменного наследия. Однако понимание этого опыта современным человеком, выросшим в условиях глубоко материалистической цивилизации, встречает огромные трудности.

Они заключаются в том, что святые отцы свои наставления давали всегда в строгом соответствии с духовным уровнем тех, кому они предназначались. «Просто так», «для науки» подвижники не писали. Поэтому многие их советы, обращенные к монахам и отшельникам высокой жизни и даже к тем, которых в древности именовали новоначальными, оказываются совершенно неприемлемыми для современного христианина, незнакомого и с азами христианской веры. А разнообразие и неоднозначность их советов, обращенных к людям разного духовного и интеллектуального уровня и различных условий жизни, способны не только поставить в тупик неопытного верующего, но и дезориентировать его и привести к серьёзным ошибкам.

Избежать же этих опасностей при чтении святых отцов, полагаясь только на своё разумение, очень трудно. Но и без святоотеческого руководства правильная духовная жизнь невозможна. Перед лицом этой сложной проблемы и выявляется вся та огромная значимость духовного наследия ближайших к нам по времени святых подвижников, которые «переложили» предшествующий святоотеческий опыт богопознания на язык, доступный современному христианину.

Святитель Игнатий и явился одним из таких подвижников-писателей, который особенно ясно и глубоко раскрывает основы духовной жизни применительно к психологии и духовным силам человека, фактически, нашего времени.

Что особенно ценное оставил он своим потомкам, за которое они с такой благодарностью чтут его память? Почему все те, кто горячо и

искренно ищут правильного пути духовной жизни, обращаются именно к нему, к его творениям?

Ответ на эти вопросы дают не только его подвижническая жизнь и его творения, которые прп. Никон Оптинский назвал *азбукой духовной жизни*, но и те высоко авторитетные свидетельства о нём, которые находим в лоне нашей Церкви. У неё немало святителей-подвижников, оставивших свои прекрасные творения о духовной жизни. Но как писал Апостол: *«Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится во славе»* (1 Кор. 15. 41). И слава звезды Святителя, оказывается, действительно исключительной.

Можно сказать, что еще никто из отечественных духовных наставников последних двух столетий не имел таких высоких оценок святых Русской Церкви и ее известных подвижников, как святитель Игнатий и его аскетические творения. Ни о ком другом из русских святителей, писавших о духовной жизни, не найдется столько восхищенных слов, сколько сказано о нём.

Вот некоторые из этих свидетельств.

Преподобный **Макарий** Оптинский (+1860) сравнивает святителя Игнатия с великим подвижником древней Церкви Арсением Великим (+449). *«Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это — Игнатий (Брянчанинов). Это был великий ум»*³.

Иногда слова *«если бы он пошел другой дорогой»* трактуют, будто прп. Макарий считал, что молодой монах изменил избранному пути жизни, когда был назначен Императором настоятелем Сергиевой пустыни близ Петербурга. Однако Преподобный знал, по какой причине игумен Игнатий совершенно неожиданно вместо желаемого им уединения, затвора, жизни созерцательной был снят с этого пути и поставлен на *другую дорогу* руководства столичным монастырем. И говорил не о его уходе с избранного пути, а об особом действии промысла Божия, поставившего достойного по своим исключительным духовным дарованиям *быть у нас в России Великим Арсением* на путь наиболее полезный не только ему, но и Церкви - стать великим духовным наставником множества ищущих евангельской жемчужины (Мф. 13: 45–46).

Отношение же самого Игнатия к *другой дороге* с полной очевидностью открывается из его откровенных признаний друзьям в письмах.

Вот что, например, он писал о своем пребывании в Сергиевой обители: *«Ни к чему в ней не прилепилось сердце, ничего мне в ней не нравится. Я занимаюсь устройством ее как обязанностью, принуждаю себя любить Сергиеву пустынь. Обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Одного прошу, чтоб развязали меня с Сергиевой пустыней. Всякое решение Святейшего Синода приму с благодарностью»*.

³ Преподобный Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. 4 мая 1908 г.

В другом письме он открывает свою душу: *«Я всегда желал глубокого уединения... С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре»*. Исполнение его заветной мечты затянулось почти на три десятка лет, когда, наконец, ему, совершенно больному, разрешили уйти на покой.

Сохранилось и другое необычное и глубоко проникновенное воспоминание о свт. Игнатии преподобного **Варсонофия** Оптинского (†1913). В одной из бесед со своим учеником он, в частности, сказал: *«Когда я читаю его сочинения, я удивляюсь прямо **ангельскому уму**, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом»*⁴.

«– Вы не знаете, что было, когда хоронили еп. Игнатия?»

– Нет, Батюшка.

*– Ангелы доринесли его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие». Вот была ангельская песнь...»*⁵.

Этот ближайший ученик прп. Варсонофия преподобный **Никон** (Беляев) Оптинский (+1931) не расставался с книгой епископа Игнатия «Приношение современному монашеству» и во время своего заключения в калужской тюрьме. Ему передали её туда по его просьбе. *«На полях этой книги, на оставшихся незаполненными страницах и на небольших, аккуратно вклеенных листочках бумаги имеются карандашные записи, сделанные рукой старца Никона»*⁶. В частности, он писал: *«Пятый том сочинений епископа Игнатия заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...»*⁷. *«Сочинения преосвященного Игнатия необходимы, они, так сказать, азбука духовной жизни»*.

Преподобная **Арсения** (Себрякова; +1903) об этом пятом томе сочинений святителя Игнатия писала: *«Я читаю этот том, и как **изречения святых Отцов**, так и взгляд на святое лицо Владыки действует на меня необыкновенно хорошо»*. *«Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого Владыки»*⁸.

Только этих свидетельств достаточно, чтобы видеть, насколько ценны творения святителя Игнатия.

А как оценивали его последующие известные подвижники нашей Церкви?

Схиигумен **Иоанн Валаамский** (Алексеев, +1958): *«Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквеедов. Ах, как*

⁴ Там же. 9 ноября 1908 г.

⁵ Преп. Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. 4 мая, 1908.

⁶ Даниловский благовестник. 1995. № 7. С. 53.

⁷ Преп. Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. СПб., 1994. С. 165–166.

⁸ Путь немечтательного делания. М. 1999. С. 254, 360.

справедливо сказал **мудрый епископ**, и это у него вытекало из своего духовного опыта»⁹.

Игумен **Никон** (Воробьев; +1963), который в долгих и безуспешных поисках духовного руководителя нашел, наконец, такового в творениях святителя Игнатия, с глубоким чувством писал: **«Как я благодарен ему за его писания! Не понять и не оценить его — значит, ничего не понимать в духовной жизни. Смеею сказать, что сочинения епископа Феофана (да простит мне св. владыка) — работы школьника по сравнению с трудами профессора — творениями епископа Игнатия (Брянчанинова)»** (Письмо от 18/02-1945). **«Все его писания взяты из Отцов и приспособлены для нас. Он пишет о самом нужном — о покаянии, которое есть единственная дверь ко всему доброму»** (Письмо от 15/XI-50).

«Лучшего учителя для нашего времени нет» (Письмо от 1956 г.).

«Вот что самое дорогое хотел бы я Вам пожелать, если бы Вы спросили меня — постоянно вникайте в Игнатия Брянчанинова и идите указанным им путем. Это — путь всех древних Отцов, путь, пройденный и самим Игнатием, проверенный им, как человеком нашего времени, развития, человеком наших недостатков и слабостей, нашего почти окружения. Это-то и делает его писания особенно ценными. Прибавьте к этому силу благодати Божией, явно в них ощутимую, ибо писались они не по произволу, а по особому внушению» (Письмо от 18/02-1945).

Надписывая сочинения Святителя одному своему духовному чаду, игумен Никон завещал следующее: **«Для нашего времени нет лучшего путеводителя в таинственную Землю Обетованную, как творения епископа Игнатия Брянчанинова. Его святыми молитвами да подаст тебе Господь войти в нее и обитать на ней. Храни эти книги до вхождения как необходимое и незаменимое руководство на пути, а если войдешь — как напоминание о долге благодарности своему великому учителю епископу Игнатию»**.

Архимандрит **Иоанн (Крестьянкин; +2006)** с горячим воодушевлением призывает назидаться творениями Святителя: **«Читайте святителя Игнатия, внимайте прочитанному, и козни вражи не посмеют коснуться вас, следующих его советам»**. **«Слушайте внимательно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) отвечает нам»**. **«Вот последнее [его] слово нам, живущим в столь трудные времена»**¹⁰.

Все эти свидетельства прославленных святых и широко почитаемых подвижников нашей Церкви показывают, кем для них явился свт. Игнатий, и кем, следовательно, он должен быть для всех ищущих спасения в наше непростое время.

Кратко представим некоторые из основных положений учения свт. Игнатия о духовной жизни.

Что значит вера во Христа?

⁹ Игумен Иоанн (Алексеев). Загляни в свое сердце. СПб., 2002. С. 200.

¹⁰ «Духовная аптека» старца Иоанна (Крестьянкина). М., 2010. С. 55, 56, 57.

Это первый и главный вопрос, встающий перед человеком, принимающим христианство. В ответе на него Святитель использует известный прием доказательства от противного. Он ставит вопрос наоборот: *«Кто же не верует в Сына Божия?»* И отвечает: *«Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями, тот, у кого бог — чрево; тот у кого бог — золото; тот, у кого бог — земная слава; тот, кто почтил земную мудрость, враждебную Богу, как бы Бога»*. И заключает: *«Ненасытный искатель человеческой славы не способен к вере во Христа»* (Ср.: Ин. 5. 44).

Искажает, легко уничтожает веру и одно теоретическое изучение истин веры, приобретаемое школьным изучением христианства, без соответствующей практической жизни. Такую веру святитель Игнатий называет мертвой, поскольку она не исцеляет души человеческой, не обращает ее взор к Евангельским заповедям. Он пишет о ней: *«Вера мертвая, признание Христа одним невольным умственным убеждением, может быть и принадлежностью бесов!»*. Очень метко о такой вере человека сказал А. С. Хомяков: *«Его веренье есть не более, как логическое мнение и никогда не может стать верою... Веренье превращается в веру... только через святость»*.

Поэтому так критически относится святитель Игнатий к той системе обучения, которую взяли наши духовные школы с католическо-протестантского Запада. С горьким чувством он восклицает: *«Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земле! Науки есть. Академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия право — смех, да и только, эти степени даются людям... Случись с этим богословом какая напасть и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не был ли, подобно мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы?!»*.

И он делает вывод, о котором говорят, но который мало учитывают в духовно-школьном образовании, ограничиваясь одной внешней формой: *«Постоянство в православном исповедании догматов веры питается и хранится делами веры и непорочностью совести»*.

Святитель подчеркивает существенную разницу между изучающим христианство как одну из обычных светских наук, и тем, кто изучает его самой жизнью по Евангелию. Он пишет: *«Монахи достигают христианского совершенства, бесстрастия, ощутительного действия в себе Святого Духа, потому приобретают понятие о христианстве живое. И тени такого познания не может преподать никакая наука человеческая; все профессора, магистры и доктора богословия, производимые университетами и академиями суть невежды в сравнении с монахом, обновленным благодатью Божией за последование Христу исполнением заповедей Его»*.

Причиной такого различия является тот факт, что одно умовое (термин свт. Феофана Говорова) изучение не очищает души человека. Правильная вера приобретается и становится движущей силой в христианине только на пути борьбы со своим вепхим человеком (Рим. 6:6). Такая борьба приводит христианина

к видению своей греховности, неспособности одними своими силами победить ее, и тем самым обращает к Христу. *«Для уверования во Христа и для принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние».* И, напротив, по закону духовному, пишет свт. Игнатий, *«не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?».*

Не потому ли свои проповеди Иоанн Креститель, Сам Христос и апостолы начинали с призыва: *покайтесь и веруйте* в Евангелие (Мк. 1. 15)?

Такое состояние сознания Святитель рассматривает как необходимое условие приобретения человеком начала истинной веры: *«Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Исккупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния».*

В этих словах обращает на себя внимание глубоко духовная мысль о том, что не убеждение рассудка, а покаяние является первичным условием спасительной веры во Христа. Святитель подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес *«начало обращения ко Христу»*, а в познании *«своей греховности, своего падения»*, из которого только рождается истинная вера в Него. Оэтим самым он утверждает нечто прямо противоположное общепринятому в богословии мнению, по которому началом приобретения человеком веры является его рассудочное убеждение. Нет, говорит он, *«не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».* Более того, проповедь христианства, апологетика, оторванные от проповеди духовных и нравственных начал жизни, могут обернуться для уверовавшего самыми худшими последствиями, о которых сказал Господь: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратити хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас (Мф. 23. 15).* Ибо вера во Христа — это не простое Его признание, но вера всему тому, о чем Он говорит и к чему призывает.

Правильное понимание веры христианской можно проиллюстрировать на таком примере. Человек верит, что он смертен, но не думает об этом, и живет, как бессмертный. Но вот заболел раком – и тогда прилагает все усилия, чтобы спастись. Именно такая же напряженная борьба за спасение души является истинной христианской верой, а не её подмена – рассудочное принятие вероучения и внешнее соблюдение церковной дисциплины жизни.

Святитель постоянно говорит: *«На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения».* Вне этого состояния, именуемого у Отцов *познанием себя*, невозможна вера во Христа, точнее, она оказывается самообманом, не способным ни духовно, ни нравственно изменить человека.

Видящий себя духовно здоровым, добродетельным, разумным, знающим христианство не является христианином, какое бы положение он ни занимал в Церкви. В качестве доказательства святитель Игнатий приводит красноречивый факт из истории земной жизни Спасителя, Который со слезами раскаяния был принят простыми, сознающими свои грехи евреями, но с ненавистью был отвергнут и осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», всё знающей иудейской элитой: архиереями, фарисеями (ревностными исполнителями Закона Божия), книжниками (богословами).

Как же рождается в человеке вера в необходимость Спасителя? Послушаем святителя Игнатия: *«Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом, кто встал на доброй страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело — установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего».*

Он дает, в частности, такой практический совет: *«Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних».* Общий же духовный закон Святитель формулирует словами преподобного Симеона Нового Богослова: *«Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи»*, то есть открывает, человеку его страсти, грехи и немощи.

Вопрос о том, как приобрести веру во Христа, является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе. Духовно «здоровым» Он не нужен. Поэтому видение своего греха является основной задачей жизни христианина и, одновременно, главным критерием истинности его духовного пути. Как писал преподобный Петр Дамаскин: *«Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку».* Это есть то спасительное смирение, о котором Святитель произносит замечательные слова: *«Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! ...Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! ...Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключаящих себя из числа грешников отвергает Господь. Они не могут быть христианами».*

Добрые дела и подвиги.

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11: 12), - говорит Господь. Это усилие имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю.

Внешняя – прежде всего, дела милосердия, заключающиеся не просто в материальной, нравственной, моральной поддержке, но и в неосуждении ближних, нераспространении о них дурных слухов, молитве за них. Всё это включается в заповедь: Блаженны милоспивые, ибо они помилованы будут (Мф. 5: 7).

Внутренняя же сторона заключается в невидимой брани с действующими в душе страстями. Свт. Игнатий перечисляет восемь главных из них: *тревоообъядение, любоддеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость*. Он указывает и на противоположные страстям добродетели: *воздержание, целомудрие, нестяжание, кротость, блаженный плачь, трезвение, смирение, любовь*. При этом, обращает исключительное внимание на то, что добродетели и подвиги, не приводящие верующего к смирению, являются лжеподвигом, и вся его жизнь становится лжедуховной (Мф. 5. 20 и др.). *«Телесный подвиг, - пишет он, - не сопровождаемый душевным, более вреден, нежели полезен. Он служит причиной необыкновенного усиления душевных страстей: тщеславия, лицемерия, лукавства, гордыни, ненависти, зависти, самомнения»*. *«Если внутреннее делание по Богу, - сказал великий Варсануфий, - не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем»*.

Свт. Игнатий приводит замечательные слова святого Исаака Сирина: *«Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны...»*, то есть все труды и все добродетели, если не приведут к смирению, будут бесплодны и бессмысленны. Научает же человека смирению труд исполнения заповедей Евангелия. Ибо понуждение себя к евангельской жизни показывает ему, с одной стороны, невозможность исполнения их просто собственными силами, с другой — их реальную исполнимость при неослабном понуждении себя к их исполнению, при осознании своей немощи и смиренном обращении к Христу. Так выясняется одна из сложных богословских проблем о соотношении веры и *добрых дел* в вопросе спасения — проблема, постоянно возникающая в диалогах православных с католиками и протестантами.

Святитель Игнатий рассматривает этот вопрос с двух сторон: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, как условие достижения христианского совершенства. Выводы его, основывающиеся на святоотеческом опыте, очень необычны для человека внешнего, непонимающего законов духовной жизни. Он пишет: *«Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христова было бы излишним»*. *«Дела мнимо добрые, по влечению падшего естества, растят в человеке его «я», уничтожают веру во Христа, враждебны Богу»*. *«Несчастен тот, кто удовлетворен собственной человеческой правдой: ему не нужен Христос»*. *«Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела) и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости»*. И завершает свою мысль: *«Великое душевное бедствие — дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугой пред Богом»*.

Святитель Игнатий даже так пишет: *«Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград, земных и небесных»*. Ученик святителя Игнатия игумен Никон (Воробьев) в XX веке писал: *«Как часто настоящие даже добрые дела делаются для нас камнем преткновения и даже падения!»*

Оказывается, правда и добродетели *ветхого* и *нового* человека не взаимодополняют друг друга, а взаимоисключают. Ибо если верующий думает, что добродетелями и подвигами зарабатывает заслуги перед Богом, как учит католицизм, то они становятся губительными для него, поскольку возносят его в своих глазах, ослепляют его, приводят к тщеславию, гордости и делают для него Христа ненужным. Напротив, жизнь по заповедям открывает человеку его страсти, неспособность искоренить их и тем смиряет его и приводят к Спасителю. Следовательно, наставляет святитель Игнатий, *«надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне»*.

В качестве примера Святитель приводит оценку истинными подвижниками своих подвигов и добродетелей. *«Подвижник только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и побуждений, несчастное состояние его падшего естества. Исполнение им заповедей он признает □алл□ением и осквернением их»*. Поэтому *«святые омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез»*. Без осознания этой истины невозможно христианину правильно относиться ко всему, что делает, в чём трудится и понять то глубокое различие, которое существует между православной духовной жизнью и мирским пониманием духовности.

Страсти и грехи.

На языке Священного Писания и святых Отцов жизнь по страстям называется плотской. Апостол Павел же пишет: *плоть желает проотивного духу, а дух — проотивного плоти: они друг другу проотивятся* (Гал. 5. 17). Что это значит? Ввиду важности этого вопроса приведем несколько высказываний Святителя, раскрывающих некоторые часто скрытые его стороны.

Прежде всего, он обращает самое серьёзное внимание на так называемые навыки, то есть привычки, которым, как правило, не придают особого значение. Он пишет: *«Грехи, закосневая в душе, обращаются в навыки: столько же сильные, как природа, а иногда более сильные, нежели природа. Греховные навыки называются страстями... Вообще все страсти развиваются в человеке от послабления им; учащающееся послабление обращает склонность в навык, а навык делает страсть насильственным властелином над человеком»*.

Поэтому предупреждает преподобный Исаак Сирский: *«Убойся злых навыков более, нежели бесов».*

Страсть действительно является проводником, через который душа человека входит в контакт с бесами и подвергается их злобному действию. Многие даже не подозревают, что *«все страсти и все падшие духи находятся в ближайшем сродстве и союзе между собою».* *«Страстный не перестаёт совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез что поддерживает своё общение с тёмными духами и свою подчинённость им».*

«Чем обнаруживаются страсти?» — «Помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными». И совсем не безопасно для человека дать им свободу, поскольку они прямо способствуют развитию страсти, влекут за собой порабощение ей, а в результате человек легко впадает и в совершение греха. Ибо *«страстность, произвольно приведённая в действие, после этого действует уже насильственно и против воли того, кто первоначально попустит ей действовать по произволению»* (прп. Марк Подвижник).

Святитель Игнатий, ссылаясь на преподобного Нила Сорского, предупреждает и о другом. Часто, особенно во время молитвы, даже *«за бесстрастными помыслами последуют страсти: допущенный вход первым бывает причиною насильственного входа вторых».* И поскольку *«страсти в иноках голодны, они, если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подобно хищным зверям, спущенным с цепей».* Поэтому наставляет: *«Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет её постоянное сопротивление низлагать её. Каждое увлечение страстью усиливает её; постоянное увлечение страстью порабощает страсти увлекающегося ею».*

Назидательно его слово по поводу не прекращающегося в нас действия страстей: *«Не тревожься восстающими страстями: старайся по возможности противиться им; человек, доколе на земле и обречён в брненное тело, дотоле подвержен изменениям; то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстью, то находится в обуревании страстями. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению, научает прибегать непрестанно к помощи Божией».*

Страсти — являются причиной множества внешних скорбей и искушений. О правильном к ним отношении святитель Игнатий писал: *«Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией: то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу¹¹. Устрашимся этого бедствия!».*

«Сродство между собой как добродетелей, так и пороков».

Это один из тех законов духовной жизни, на который, к сожалению, не обращается внимания, но который, как и все законы нашего мира (и материальные, и духовные) действует столь же неотвратимо. Святитель изъясняет его следующим образом: *«Необходимо знать возлюбленным*

¹¹ Святого Петра Дамаскина, книга 1. Добротолубие. Ч. 3.

братиям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собой; точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собой. По причине этого сродства, — пишет он, — произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, по изречениям отцов, не терпит пребывать бессупружной в сердце».

Не зная этого закона, человек часто не придаёт значения так называемым “мелким” грехам и произвольно, то есть без насилия страсти, совершает их. Но оказывается, что *«пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»*, — приводит свт. Игнатий слова преп. Исаии Отшельника. Под *мелочами* подразумеваются всякие пустые, нравственно недостойные мысли, желания, слова, действия. Не придающий значения им, неминуемо, если не станет наблюдать за собой, *нисходит в гибельное падение*, которое состоит в том, что человек постепенно (как при алкоголизме) становится в такой степени рабом, зависимым, своих влечений и страстей, что уже *невольно* начинает совершать поступки, ведущие к полному разрушению его жизни.

Святитель Игнатий прямо указывает на конкретные грехи и страсти, которые взаимосвязаны между собой и наставляет: *«В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей — (объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие); последствия их («сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление доброго желательства») будут уничтожаться сами собой».*

О том, насколько важно знание и соблюдение этого закона, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: *«Премудрый Господь благословил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели и устремишься к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь».*

Удивительные слова! Для духовно неопытного человека сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, и, тем более, смертельной для души ехидной, покажется просто странной, ошибочной. Но именно таков **закон** духовной жизни. Святитель Игнатий цитирует и другого отца: *«Святой Симеон Новый Богослов, рассуждая о случающейся безуспешности молитвенного подвига и о плевелах прелести, возникающих из него, приписывает причину и безуспешности, и прелести несохранению правильности и постепенности в подвиге. «Хотящие взойти, — говорит*

Богослов, — на высоты молитвенного преуспеяния, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, потом на вторую, далее на третью, наконец, на четвертую. Таким образом всякий может восстать от земли, и взойти на небо».

Поэтому Святитель предостерегает: *«Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им, возвышеннейшие добродетели».*

Монашество.

Наибольшее внимание в своих творениях святитель Игнатий уделяет монашеству, которому специально посвящает целый том под названием «Приношение современному монашеству». О монашестве он пишет как явлении изначальном в Церкви (а не с IV лишь века), говорит о духовных причинах (а не общественных и политических) его происхождения, его значении в Церкви, о неотмирности его задач, об особенностях монашеской жизни и опасностей, связанных с неправильным ее пониманием, о характере духовнической деятельности монаха.

С большей скорбью он говорит об утрате современным монашеством понимания его сущности, об исчезновении главного в монашестве – *умного* (молитвенного) делания, с горечью констатирует отступление современного монашества от заветов Отцов и увлечение чисто внешней деятельностью, вовлеченностью в мирские сферы жизни в самых различных ее сторонах. Его суждения об этом часто поражают своей откровенностью, он сообщает о том, о чем не принято говорить в церковном обществе, у него нет попытки оправдания очевидных отступлений монашества от его изначальных основ. Не это ли явилось одной из причин, по которой его сочинения часто возвращались из издательств настолько перечеркнутыми, *измаранными*, что их уже невозможно было предложить к печати?

Эта его критика отрицательных сторон жизни монашества имеет непосредственное отношение к современности. Особая её ценность заключается в том, что она исходит от истинного монаха, глубоко переживающего за монашество, а не от какого-либо враждебного Церкви человека, и искренне стремящегося сохранить его в неповреждённом виде.

Святитель Игнатий был убежден, что *«для Православной Церкви необходимо монашество: она не может существовать без него».* Но при этом он подчеркивал, что *«важность — в христианстве, а не в монашестве; монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству».* Потому христианину, пришедшему в монастырь, но увидевшему, что его состояние несовместимо с монашеством, прямо рекомендует: *«Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре с враждебным к нему чувством, проводить жизнь, нисколько не соответствующую монашеским правилам».* Он призывает с осторожностью относиться к тем восторгам, которые иногда высказываются о предполагаемом возрождении

монашеской жизни. И даже так писал: *«Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса».*

Ниже приведем высказывания святителя Игнатия по некоторым из основных вопросов, связанных с монашеством. Как правило, они не нуждаются в комментариях.

Сущность и цель монашества.

«Спаситель мира указал два пути, два образа жизни для верующих в Него: путь или жителство, доставляющие спасение, и путь или жителство, доставляющие совершенство».

«Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: “Монах — тот, кто держится единственно Божиих уставов и Божьего слова во всякое время, на всяком месте, во всяком деле” (Сл. 1, гл. 4)».

«Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей — когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святаго Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства». «...монашество есть не что иное, как обязательство с точностью исполнять евангельские заповеди, монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многлюдства или в глубочайшей пустыне».

«Монашество есть наука из наук. В ней теория с практикой идут рука об руку... Наука из наук, монашество доставляет — выразимся языком ученых мира сего — самые подробные, основательные, глубокие и высокие познания в экспериментальной психологии и богословии, то есть деятельное, живое познание человека и Бога, насколько это познание доступно человеку».

Почему нужно монашество? *«Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без коего и спасение с самой верой легко может утратиться и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученные долгим временем в различении добра от зла. Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после — монахи».*

Кто является монахом? *«Монахи суть те христиане, которые оставляют все по возможности земные занятия для занятия молитвой — добродетелью, высшей всех добродетелей, чтобы посредством ее соединиться воедино с Богом...».*

«Монах значит уединенный, кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре... Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой».

«Говорит святой Исихий Иерусалимский: “Отрекшийся от всего житейского, от жены, имения и тому подобного, соделал монахом лишь внешнего человека, а не внутреннего, который — ум. Тот — истинный монах, кто отрекся от пристрастных помыслов: удобно может он соделать монахом и внешнего человека, когда захочет”».

Поэтому, предупреждает Святитель: «Имеющим холодное и колеблющееся произволение строго воспрещено вступление в монашество».

Состояние современного монашества. *«Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный¹² подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нравственность».*

«Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие».

«Положение их [монастырей] подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода: она съест этот снег при первой вспомогательной атмосферической перемене. Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ. Весьма часто актерской наружностью маскируется страшная безнравственность».

«О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому. Для этого нужны мужи духоносные, а ныне даже водящихся отчасти писаниями Отцов при объяснении их душевным разумом, каков был о. Макарий Оптинский, нет».

«В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании».

«Даже наружное благочинное поведение, какое введено было в Оптиной Пустыне отцами Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено».

«Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядыв местами спасения».

Чем вызван упадок монашества? *«Упадок нравственности монахов находится в теснейшей связи с упадком нравственности мирян; упадок нравственности в монастырях есть прямое последствие упадка нравственности и религии в среде мирян».*

«Когда гонения прекратились, то жизнь христиан посреди градов изменилась, ослабла. Веру христианскую принимали не всегда по одному

¹² Понятие «душевный» в святоотеческой письменности часто обозначает «духовный». В данном месте речь идет о духовном подвиге.

убеждению, но весьма часто по обычаю; вступило в Церковь много гнилых удов, кои во время гонений тотчас бы обнаружились отпадением».

Молитва

Непосредственно с темой монашества связано учение Святителя о молитве, об умном делании, о первостепенном значении которого в монашестве, он писал: *«Без истинного умного делания монашество есть тело без души».*

Говоря, что *«молитва есть высшее упражнение для ума... Молитва есть глава, источник, мать всех добродетелей»*, Святитель раскрывает те условия, при соблюдении которых только она является таковой. В противном случае, предупреждал он, она оказывается, по меньшей мере, бесплодной, а может привести и к впадению в глубокую прелесть: самомнение, мечтательность, искание и переживание ложных сладостных состояний, видений, прозрений и т.п.

Некоторые из этих условий правильной молитвы достаточно известны: прощение ближних, отсутствие вражды к кому-либо, милосердие и др. Но многие находятся вне поля зрения большинства верующих. Поэтому особенно необходимо услышать голос такого Учителя о правильной молитве.

За два года до своей кончины 29/1-1865 года он писал: *“В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, (а) ищут наслаждения и восторгов, льстят себе, и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет!”*. Поэтому *«научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно — и удобно наследуешь спасение».*

Святитель Игнатий указывает на виды молитвы. Самая простая из них — устная, или гласная молитва, которая произносится вслух или шепотом. Но *«устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко: потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвой Иисусовой».*

Помимо устной молитвы он говорит еще о трех ее видах. *«От молитвы гласной многой, — говорит священноинок (Дорофей, автор “Цветника”. — А.О.), — истекает молитва умная, а от умной молитвы является молитва сердечная. Произносить молитву Иисусову должно не громким голосом, но тихо вслух себе одному».* *«Молитва называется умной, когда произносится умом с глубоким вниманием при сочувствии сердца; сердечной, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву; душевной, когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа».*

Представим ещё некоторые важные положения учения Святителя о молитве.

4. **Молитва внешняя и внутренняя.** *«Не только в процессе дыхания, но и во всех движениях тела должно наблюдать спокойствие, тихость и скромность. Все это очень способствует к удержанию ума от рассеянности».*

«Кто молится устами, — передает святитель Игнатий слова очень почитаемого им русского подвижника священноинока Дорофея, — а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию».

«...одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи (прп. Серафим Саровский)».

«Всякая молитва, — сказал великий Отец (св. Исаак Сириин. — А.О.), — при которой не утрудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом, потому что такая молитва — без души». Он же сказал: «Молитвы памятозловивых — посева на камне»» (ср.: Мф. 6. 14–15).

«Количество молитвы определяется для каждого образом жизни его и количеством сил душевных и телесных».

2. **Смирение в молитве.** В одном из писем святитель Игнатий говорит об условии, при наличии которого лишь молитва принимается Богом. *«Сегодня, - пишет он, - я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари». «Высокое занятие, — продолжает Святитель, — непрестанное памятование Бога! Но это высота очень опасная, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения». «Для правильности молитвы надобно, чтобы она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного».*

3. **Внимание в молитве.** *«Душа молитвы — внимание. Как тело без души мертво, так и молитва без внимания — мертва. Без внимания произносимая молитва обращается в пустословие, и молящийся так сопричисляется к приемлющим имя Божие всеу» (Притч. 30: 9).*

«Должно... совершать молитву со вниманием и благоговением с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве».

«Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве... Качество истинной молитвы состоит в том, когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму».

«Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы».

«...внимательная устная молитва сама собой переходит в умную и сердечную». «Без внимания молитва — не молитва. Она мертва! Она — бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие»!

4. **Искание наслаждения в молитве.** *«Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтобы ожило твое мертвое,*

окаменевшее сердце, чтобы оно раскрылось для ощущения греховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтобы оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние». «Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные... Огонь нечистый — слепое, вещественное разгорячение крови — воспрещено приносить пред всесвятого Бога».

5. Истинное наслаждение – в правильной молитве. Как часто упрекают христианство в том, что оно, призывая человека к видению поврежденности человеческой природы и своей греховности, к покаянию, к плачу о грехах, борьбе со страстями и проч., будто бы делает жизнь верующего унылой и несчастной. Но такие упреки проистекают,

во-первых, из полного непонимания того, что причиной всех наших скорбей, внутренних и внешних, являются именно страсти: эгоизм, зависть, гордость, алчность, упрямство, пьянство и прочие, им же несть числа. Они отравляют личную и семейную жизнь человека, приносят неисчислимые беды. И без борьбы с ними, без покаяния и молитвы ничего доброго ожидать в жизни невозможно. Это закон человеческой жизни!

Во-вторых, эти критики не знают, что в человеке, живущем по Евангелию, по мере очищения от страстей открывается особый душевный мир, радость, человеколюбие – всё то, что, в действительности, и характеризует истинное счастье. О том, что даёт человеку настоящая христианская жизнь, прекрасно сказал апостол Павел: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). История Церкви подтверждает это бесчисленными примерами жизни своих святых.

Святитель Игнатий пишет: *«Радость и веселие свойственны душе, ощутившей оживание, ощутившей избавление из плена, в котором держали ее грех и падишие духи, ощутившей осенение Божественной благодати, ощутившей, что действием этой благодати она представлена лицу Божию, возведена в непорочное и блаженное служение Богу. Радость и веселие так сильны, что Святой Дух приглашает ощутившего их к восклицанию. Как не воскликнуть от радости освободившемуся, ожившему, окрылившемуся, вознесшемуся с земли на небо?»*. Так, например, пишет он о своей настоятельской жизни в Троице-Сергиевой пустыне: *«Здесь я увидел врагов, дышащих непримиримую злобою и жаждою погибели моей; здесь милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость в то время, как я встречал врага моего, искавшего головы моей, — и соделалось лице этого врага в глазах моих, как бы лицом светлого Ангела»*.

Замечательны и разнообразны слова Святителя о той радости, которую испытывает верующий в разных состояниях своей души, когда живет действительно по-христиански:

- в покаянии. *«В слезах таинственно живет утешение, и в плаче — радость». «Утешение, радость, наслаждение, подаяние [других] даров суть последствия примирения» души с Богом»;*

- **в скорбях.** «Апостол заповедует при молитве благодарение... Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие, вводится радость, несмотря на то, что отовсюду окружают скорби»;

- **в любви евангельской.** «Георгий, затворник Задонского монастыря, муж, достигший христианского совершенства, так говорит: «Хочу сказать несколько слов о сущности любви. Это — самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны, они священны и изливаются на душу от Святого, Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца, всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно перелagаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все»;

- **во внутреннем состоянии своей души и в отношении к ближним.** «Плоды истинной молитвы: святой мир души, соединенный с тихой, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений, любовь к ближним, не разлучающая для любви добрых от злых, достойных от недостойных, но ходатайствующая обо всех перед Богом»;

в — святости. Святые переживают, оказывается, радость не только душевную, но и «несказанное наслаждение тела радостью духовною».

«Говорит преподобный авва Исаия Отшельник в поучении: Бог наш есть огонь поядаяй (Евр. 12. 29). Огнем растопляется воск и иссушается тина скверных нечистот: так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы, и истребляются из души страсти, просвещается ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце».

«Божии святые чудодействовали, воскрешали мертвых, предвозвещали будущее, упоены были духовною сладостью, и вместе, смирялись, трепетали, видя с недоумением, удивлением, страхом, что Бог благоволил ущедрить персть, — персти, брению вверил Святого Духа Своего. О ужас! Нападает от зренья этих таинств молчание на ум зрящий; объемлет сердце несказанная радость».

О чем и как должно молиться?

Указания святителя Игнатия по этому вопросу чрезвычайно полезны и необходимы в практической жизни любого христианина.

Прощения земных благ. Если мы верим, что Господь есть любовь и готов дать нам всё необходимое для нашей жизни, то молитва наша должна быть молитвой веры: «Господи, Ты знаешь, о чём я страдаю, чего я хочу, и я верю, что всё, что Ты даёшь каждому человеку, является самым полезным для него, для его спасения. Поэтому прошу Тебя, да будет Твоя благая воля, а не моя». Так молился Сам Господь Иисус Христос в Гефсиманском саду перед Своими страшными страданиями, дав образ правильной молитвы всем тем, кто действительно Ему верит.

Потому преподобный Варсонофий Великий писал: «Нехорошо с усилием молиться о том, чтобы получить исцеление, не зная, что тебе полезно». А святой Исаак Сирин предупреждал настойчиво просящих о чём-либо земном:

«Если кто попросит у царя немного грязи, то не только обесчестит себя ничтожностью просьбы и покажет себя глупцом, но и царю нанесёт оскорбление своею просьбой. Так поступает и тот, кто в молитвах просит чего-нибудь земного».

И святитель Игнатий писал: *«Не будь безрассуден в прошениях твоих, чтобы не прогневить Бога малоумием своим: просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного уничижает Его».*

«Ищущий в молитве своей тленных земных благ возбуждает против себя негодование Небесного Царя».

Но, как правило, происходит противоположное. Молимся не о причине всех наших бед – о засыхающих в страстях духовных корнях древа нашей души, и не поливаем их слезами покаяния, не удобряем их делами милосердия и исполнения заповедей Христовых, а просим сразу плодов, к тому же земных. Постоянно повторяем грех прародителей, пытаюсь без труда над самими собой сорвать плод и стать как боги (Быт. 3, 5).

Святитель объясняет и известные слова Христа: А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны (Мф. 6: 7). *«Многоглаголанье, осужденное Господом в молитвах языческих, заключается в многочисленных прошениях о временных благах».*

«Молитву соедини с благоразумным постом» и милосердием.

«Хочешь ли усвоиться Богу молитвой? Усвой сердцу милость... Принуждай сердце к милости и благодати...доколе не ощутишь в себе человеколюбия, подобного тому, которое солнцем Своим сияет равно на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя» (Мф. 5. 45).

Во время богослужения. *«Даже при Богослужении полезно повторять краткую молитву в душевной клети: она не только не препятствует вниманию читаемым и поемым в храме Божиим молитвословиям, но и способствует особенно тщательному вниманию им, удерживая ум от рассеянности».*

«В церкви никаких особенных молитв не читайте, а внимайте Богослужению. Хорошо приучиться к молитве мытаря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносил, находясь в церкви».

«В церкви иногда внимайте Богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и Богослужению. Можно вместе и молиться умом и внимать церковному молитвословию. Первое способствует второму, а второе первому».

«Во время церковных служб полезно упражняться молитвой Иисусовой».

О еретиках. *«О еретиках воспрещено молиться, как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы, как изображения участия в Церкви — не должно, молиться же об обращении их — можно».*

Молитва Иисусова.

В силу большого значения в духовной жизни христианина молитвы Иисусовой Святитель уделяет учению о ней особое внимание. Его разъяснения по этому серьезному вопросу чрезвычайно важны для каждого верующего. Ибо правильная молитва приводит человека к Самому Богу, а неверная может сделать верующего игрушкой бесов. Здесь приведем несколько ценных мыслей о молитве из замечательной статьи Святителя «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...»

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами безмолвникам... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустройении нравственности согласно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... неведущий храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся».

«Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения или периода, оканчивающиеся чистой молитвой... В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью.

Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлеченя, с сердечным плачем и теплотой; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом... Чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения и принести плод в терпении (Лк. 8. 15)... Душой и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние».

«Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовой молитвой всегда, или почти всегда последует прелесть и очень запрещают заниматься этой молитвой. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении

заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть».

«К преуспеянию в молитве покаяния должны стремиться все христиане... Напротив того, они (святые отцы. — А.О.) строго воспрещают преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом».

«Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем или схождением ума в сердце — величайшее различие».

«Для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки (умного делания. — А.О.) Такое начинание — начинание гордостное, безумное!».

«Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы».

«Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своей оскверняемой развлечением молитвой (Лествица, Сл. 28, §21)».

«Не произноси молитв спешно, одну немедленно за другой, делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностью; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности».

Прелесть

Учение о молитве, и особенно о молитве Иисусовой, у святителя Игнатия непосредственно соприкасается с предупреждением о серьезной опасности в духовной жизни, грозящей верующему, не имеющему ни опытного наставника, ни знаний святоотеческого учения — возможности впадения в самомнение, мечтательность – в прелесть. Последний термин, часто употребляемый Отцами, замечателен тем, что точно вскрывает само существо этого явления – лесть себе, высокое мнение о своих духовных достижениях, благодатных дарованиях, о своем достоинстве и совершенстве, одним словом – гордость.

Святитель Игнатий так пишет об этом тяжелом духовном недуге: *«Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя мнением, заграждает этим мнением вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, — открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию у зараженных мнением».*

Он приводит следующие слова преподобного Григория Синаита (XIV в.): *«Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит... — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести — от мечтаний. Второй образ прелести...*

начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания... Бес непотребства, омрачив ум их сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица». И делает такой вывод: «вообще одна причина прелести — гордость», указывая в связи с этим на единственное средство, которое может спасти от нее христианина: «Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас». В качестве яркого примера он приводит обращение Пимена Великого к братьям по подвигу «“Братия! Поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня”».

В этом чувстве смиренного осознания своей греховности, своего недостойнства перед Богом Отцы видели то главное, что препятствует возникновению прелести у христианина. Святитель Игнатий пишет: *«Все святые признавали себя недостойными Бога; этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшие их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным».*

Потому Святитель усиленно предупреждает каждого подвижающегося от искания каких либо благодатных дарований, ибо в самом этом искании уже присутствует дух тщеславия и гордыни: *«Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественной благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей».*

Нижеследующие высказывания Святителя дают возможность более детального понимания этого вопроса.

«Все мы — в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть признавать себя свободным от прелести».

«...прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину. Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело...».

«Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душой, целью молитвы».

«Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести: потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости».

«Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они соделались не только чуждыми Бога, но и иступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергнувшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести ... редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум, и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его мнением» (т.1).

Обращают здесь на себя внимание слова строгого предупреждения: *«усиливающиеся **возбуждать** в сердце любовь к Богу, усиливающиеся **ощущать** наслаждение, восторг»*. Речь идет об искусственном возбуждении в себе любви к Богу. Свт. Игнатий, объясняя это, приводит замечательные слова св. Исаака Сирина: *«Нет способа возбудиться в душе Божественной любви, ...если она не препобедила страстей» (Сл. 55).*

Очень важное замечание делает Святитель в отношении тех, кто молитву подменяет внешним исполнением молитвенных правил. Он предупреждает: *«Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвой Иисусовой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неопустительным участием в церковных службах и неопустительным исполнением келейного правила... Они не могут избежать “мнения”¹³, как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита...»*.

«...признающий за собой какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести».

«Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они живут благочестно, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении».

Говоря обо всем этом, святитель Игнатий напоминает: *«Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев это, надо отворотить взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись»*.

Прелестность западного христианства.

Обучаясь в Высшем военном инженерном училище, Дмитрий Брянчанинов, юнкер, затем молодой офицер, усиленно ищет ответа на мучительные для него вопросы о смысле человеческой жизни, об истинной

¹³ Самомнения, прелести.

религии. Ищет с большими трудностями, ибо его время в религиозном отношении было очень непростым: мистицизм, спиритизм, масонство, католицизм, протестантство в разных видах — всё это создавало атмосферу религиозного хаоса в сознании образованного человека. Нелегко было ему в православной России найти православную веру.

Конечно, было множество храмов, монастырей, духовных школ всех уровней. Но трудно было найти в них человека, понимающего духовную жизнь. В инженерном же училище вообще никого не было, кто мог бы ответить молодому человеку на его вопросы. Зная иностранные языки, в том числе древнегреческий и латинский, он обращается к чтению философской и религиозной литературы, как русской, так и западной. И приходит к чрезвычайно важному для себя открытию: *«Чтение Отцов с полной ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены религии Западной Европы, как не сохранившие в целостности ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой»*. Промыслительно встретив духовно зрелых иноков в Александро-Невской Лавре, и поддержанный ими, Дмитрий не только окончательно убеждается в истинности православной веры, но и твердо избирает путь монашеской жизни.

Для нашего времени, пронизанного экуменизмом и лжетолерантностью, его познания в области западной, особенно католической, духовности чрезвычайно важны. Его суждения о ней, основанные на серьёзном изучении, как католическо-протестантской религиозной литературы, так и святых отцов Православной Церкви, отличаются замечательной точностью и часто бескомпромиссностью оценок. Стоит при этом отметить, что ту и другую литературу он читал не только в переводах, но и на соответствующих языках.

В частности, он указывает на конкретные временные координаты отступления католических аскетов от опыта святых единой Вселенской Церкви: *«Преподобный Венедикт [† 544], - пишет он, - святой папа Григорий Двоеслов [† 604] еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский [XII в.] отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью»*.

Владыка Игнатий свидетельствует, что *«церкви инославные, хотя и украшают себя именем Церквей Христовых, хотя признают Бога, но не действующего, как бы мертвого (для мертвых и живой — мертв!), чем обнаруживают, что они поколебались, не устояли в истине»*, что *«большая часть подвижников Западной церкви, провозглашаемых ею за величайших святых — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом (воображением и мечтательностью. — А.О.). Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести»*.

Более всего свт. Игнатий обращает внимание на глубокое искажение там самих основ духовной жизни и, в частности, на полную утрату понимания высшей христианской добродетели – любви. Он с негодованием пишет о том, что в сочинениях самых авторитетных святых католической церкви она изображается как откровенная плотская романтическая любовь к Христу со всеми ее атрибутами. *«Многие подвижники, — предупреждает он, — приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность... Много было таких подвижников в Западной Церкви с того времени, как она впала в папизм, в котором богохульно приписываются человеку (папе. — А.О.) Божеские свойства».*

«Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг».

Суждения святителя Игнатия по поводу католической аскетической литературы очень насущны для настоящего времени, когда всё более активно делаются попытки внедрить в православное сознание прямые искажения духовной жизни как их равноценный вариант. Святитель Игнатий предупреждает: *«Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести...».*

Поэтому Святитель настойчиво рекомендует избегать чтения западных аскетов: *«Займитесь чтением Нового Завета и св. Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых)».* *«Подобно Малпасу, достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз (Ассизский. — А.О.), Игнатий Лойола и другие подвижники латинства, признаваемые в недрах его святыми».*

В его время большой популярностью в интеллигентской среде пользовалась книга католического святого Фомы Кемпийского. Она многократно переводилась. Но вот что писал о ней святитель Игнатий: *«В образце аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой мнением, можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием Подражание Иисусу Христу. Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием».* *«В книге жительствоует и из книги дышит помазание лукавого духа, льстящего читателям, упоевающего их отравой лжи, услажденной*

утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предпочтения покаянием... Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их, — и потому особенно нравится она людям, поработанным чувственностью: книгой можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностью. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгой за действие благодати Божией».

«Такого же мнения о “Подражании” был известный деятельной монашеской опытностью иеросхимонах Леонид», другие Оптинские старцы, святитель Феофан (Говоров) и позднейшие подвижники благочестия.

Яркое подтверждение точности оценки Святителем католической аскезы, грубого искажения в ней духовной любви можно видеть на примере молоденькой монахини Терезы Младенца Иисуса, скончавшейся в 23-летнем возрасте, но возведенной папой Иоанном Павлом II в 1997 году в высшее достоинство святости — Учителя католической церкви. В своей автобиографии она, не стесняясь, описала свой роман с Христом: «Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: “Я люблю Тебя и верю Тебе себя навеки”. Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах»¹⁴. Какая это любовь — очевидно, и она свидетельствуют, до какой степени деградации дошло аскетическое учение католицизма.

Святитель Игнатий указывает на психические и нравственные последствия такого аскетизма: «Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда исступленное по причине необыкновенного вещественного страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изоцирено, что как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные».

Другим очевидным следствием духовного повреждения католицизма явилась порожденная им западная культура, наполненная откровенно языческим духом. «В новейшие времена, — пишет Святитель, — языческая жизнь явилась первоначально в недрах папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенной яркостью в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии. Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особенно сладострастия; там нет ни

¹⁴ Повесть об одной душе. // Париж, «Символ», 1996. № 36, С. 95.

чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение».

Интересно отметить и решительное возражение Святителя против католического учения (заимствованного у иудея Филона Александрийского и развитого французским философом Декартом) о полной невещественности духов (которое одно время разделял и святитель Феофан (Говоров), но впоследствии пересмотрел его¹⁵): «...западные, принявшие в недавнее время много мнений чуждых и противных Православной Церкви, недавно приняли чуждое и противное ей учение о совершенной невещественности сотворенных духов, приписали им духовность в той степени, в какой имеет ее Бог».

Чудеса

Одним из очевидных проявлений прелестного состояния человека является искание им чудес, пророчеств, прозорливости, стремление к приобретению благодатных переживаний и мистических способностей, страстное любопытство заглянуть в *тот* мир и проч. Это состояние, конечно, не новое, им живет человек всю историю своего падшего существования. Однако по мере приближения к завершению бытия мира такая тенденция явно усиливается. Святые всегда предупреждали верующих о ее губительности. Ибо такие искания и ожидания явятся для многих христиан одной из прямых и непосредственных причин принятия ими антихриста. Уже апостол Павел предупреждал: беззаконник... [антихрист] которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения (2 Фес. 2. 3, 4, 8–10).

Святитель Игнатий со всей силой предупреждает легковерных христиан о наступающем обмане такими чудесами: «С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности знаменосные мужи умахались. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся неразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное зрелище многочисленных и поразительных ложных чудес, чтобы увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами».

В одном из писем, говоря о нашем народе, особенно склонном придавать знакам, символам, необычным и непонятным явлениям характер неоспоримой религиозной истинности, предсказывает страшную беду, которая грядет на него

¹⁵ См.: Святитель Феофан (Говоров). Собр. писем. Изд. Псково-Печ. м-ря, 1994. Вып. 7. № 1217.

за эту легковёрность: *«Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль [Мф. 5, 13] предвещает их и ясно обнаруживает, что [наш] народ может и должен сделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуществит мысль о всемирной монархии»*. Обуявшей солью святитель Игнатий называет состояние Православия в России, гением из гениев — антихриста — и наш народ, увы, орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо, а, возможно, и является им? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: *«Христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность»*.

Он дает замечательный совет: *«Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой — никак не верить явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа»*. Это предупреждение относится ко всем верующим, оказавшимся перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: *«Не хули и не принимай!»*

Часто цитируемый Святителем преподобный Григорий Синаит (XIV в.) призывает: *«...никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме... Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательнее внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого»*.

Святитель Игнатий отвечает и на волнующий многих вопрос: *«Может ли иметь особенную достоверность знамение с небесе? ...Можно ли заключать, что знамение с неба есть непременно знамение от Бога? Из Божественного Писания видно противное»*. И продолжает: *«В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта; ни одного чуда не сделано напоказ человекам; все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения»*. Это один из важных признаков истинного чуда.

В настоящее время, когда ложный мистицизм и всевозможные «чудеса» широкой рекой разливаются по всем странам мира (в США, например, почти 70% населения заявляют, что имели опыт экстрасенсорных восприятий, а 42% общались с умершими; у нас в России и в других странах огромное количество так называемых миро- и крово-точащих икон, скульптур, появление изображений креста и иных знаков, букв, символов на теле человека и в самых неожиданных местах и т.д.), особенно важно помнить эти святоотеческие наставления.

Видения и откровения

Чудеса — лишь одна из сторон общей и очень насущной темы о критериях истинности религиозных переживаний, явлений, откровений, которые могут быть у верующего (и неверующего) человека. Этот вопрос касается самой сущности духовной жизни, и прямо связан с пониманием условий познания *того* мира. По учению Отцов, любопытство, мечтательность, несерьезность в этой области, попытки любыми средствами проникнуть в духовный мир — равносильны самоубийству. О последствиях таких действий говорит уже Сам Господь: *кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник* (Ин. 10. 1). А с разбойником известно, как поступают. Хорошо известно, например, что активно занимающиеся спиритизмом, как правило, кончают жизнь или самоубийством, или психическим расстройством. К этому приводят человека и все прочие виды оккультизма¹⁶. Такими же последствиями грозит и неправильная духовная жизнь, подвижничество без знания законов святоотеческой аскетики. Незаконное проникновение в мир духовный порождает лжеоткровения, которые увлекая людей легкомысленных, окончательно губят их и духовно, и телесно¹⁷.

Апостол Иоанн Богослов обращается ко всем христианам всех времен и народов: *«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире»* (1 Ин. 4. 1). Но что же необходимо для различения духов? Исчерпывающий ответ на этот вопрос даёт святитель Игнатий в своих творениях, особенно в «Слове о чувственном и о духовном видении духов».

Единственно законным путем вхождения в духовный мир и получения истинного знания (откровения) о нем является, учит он, правильная духовная жизнь, главнейший критерий которой — видение человеком своей греховности и приобретение истинного смирения (ибо есть и ложное). *«По непреложному закону подвижничества, — пишет свят. Игнатий, — обильное сознание и ощущение своей греховности, даруемое Божественной благодатью, предшествует всем прочим благодатным дарам»; «...первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением». «Зрение недостатков наших — вот безопасное видение! Зрение падения и искупления нашего — вот нужнейшее видение». «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим являли они свое достоинство, состоящее в смирении». «Начало просвещения душа и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку, — сказал святой Петр Дамаскин». В Евангелии это состояние именуется нищетой духовной (Мф.5. 3).*

¹⁶ Крайне отрицательно влияет на психику человека чтение оккультной литературы, таких, например, авторов, как: Е. Блаватская, А. Безант, Рерихи, Р. Штейнер, Э. Шюре. Теперь выходит много подобной литературы: Р. Бах «Чайка по имени...», В. Сидоров «Семь дней в Гималаях», Л. Андреев «Роза мира», Гурьев «Записи диалогов с космическим разумом», С. Лазарев «Диагностика кармы» и др. Сюда же нужно отнести и серию книг В. Мегре о т. н. Анастасии «Звенящие кедры России».

¹⁷ См., напр.: ЖМП. 1992. № 6, «О лжеучениях...»

Духовная нищета, по учению всех святых Отцов, является единственно твёрдым фундаментом, на котором только возможно получение истинного откровения. Его дает Господь человеку не для удовлетворения любопытства праздного ума, жаждущего узнать «что там», а единственно в целях спасения. Но и в этом случае *«только совершеннейшим христианам, — пишет свт. Игнатий, — преимущественно из иноков, сподобившимся прозреть душевными очами, был открыт мир духов: но таких христиан и в самые цветущие времена иночества было очень мало, по свидетельству преподобного Макария Великого. Свойство всех видений, посылаемых Богом, — замечает святой Иоанн Лествичник, — заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознания своей греховности и ничтожества. Напротив, видения, в которые мы вторгаемся произвольно, в противность воле Божией, вводят нас в высокоумие, в самомнение, доставляют радость, которая не что иное, как не понимаемое нами удовлетворение наших тщеславия и самомнения».*

«Относительно голосов и явлений нужна еще бóльшая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных Отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму призраками истины и света; тем удобнее могут быть обмануты ныне, и непонятнее. Нужно долгим временем и опытом приучить ум и сердце к отличению добра от зла, под какой бы личиной ни маскировалось зло. Поэтому святые Отцы заповедали, чтобы новоначальные не верялись никаким гласам и явлениям, — но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя признавали смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов — Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться».

По какой причине подвижник может обмануться? Святитель отвечает: *«Все виды бесовской прелести... возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы».*

Духовник.

Даже небольшое знакомство с вопросами духовной жизни показывает, насколько она непроста. Святые отцы называют ее *наукой из наук, искусством из искусств, художеством из художеств*. Поэтому столь важным всегда был и остаётся вопрос о духовном руководителе. Святитель Игнатий уделяет этому вопросу самое серьёзное внимание и рассматривает его с разных сторон.

1. Прежде всего, объясняет, кто такой духовный наставник.
2. Говорит об отсутствии духоносных наставников и полезности обращаться к опытному духовному спутнику (духовнику).
3. Указывает на необходимость большой осторожности в выборе духовника и огромной опасности принять бездуховного «старца» за руководителя.
4. Предостерегает от неправильных, губительных взаимоотношений между духовником и пасомым и подчёркивает единственно возможный их характер – жизнь по совету, а не по послушанию.

Приведем высказывания Святителя по этим вопросам.

4. Духовный наставник.

«В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований».

«Точно — тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтобы в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют».

«Те старцы, которые принимают на себя роль [старца]... в сущности, не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия. Старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть».

«Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему [Христу], а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспевания».

2. Об отсутствии богодухновенных наставников.

«Святой Макарий Великий [IV–V вв.] говорил, что ...встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном... которое требуется истинным подвижничеством». «В монастырях употребляется о таких старцах изречение: “свят, но не искусен”, и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев». По словам св. Исаака Сирина (7 в.), такой старец даже «недостойн называться святым».

Святитель Игнатий приводит также слова св. Григорий Синаита (13-14 вв.), который *«решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки...»*, и продолжает: *«Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!».*

«Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и святое

Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братьей».

«...монашествующие первых веков христианства были руководимы Боговдохновенными наставниками, а ныне, замечает преподобный Нил Сорский согласно с другими позднейшими Отцами, монашествующие должны наиболее руководиться Священным Писанием и писаниями Отеческими по причине крайнего оскудения живых сосудов Божественной благодати».

И советует: *«Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость».*

«Видеть настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтобы охраться от обмана; вместе [и в то же время] должно очень остерегаться от осуждения их, непрестанно обращаясь к вниманию себе».

3. О выборе духовника.

Святитель Игнатий, исходя из мысли преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (V в.) писал: *«Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред».*

И предупреждает: *«Советник благочестивый, но неопытный, скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян, — из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советующуюся, из нее, из ее достояния, преподал бы ей совет».*

“Кому не извещается сердце, тому не открывай его”, — говорит великий наставник иноков преподобный Пимен, египетский пустынный».

«Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибежавшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи».

И одному из близких друзей откровенно пишет: *«Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставниках духовных. Их заменяют для подвижника писания Отческие».*

4. О взаимоотношениях духовника и пасомых.

Часто люди, не понимающие, кто такой духовник и какие должны быть отношения с ним, но услышав святоотеческое учение о необходимости полного ему послушания, принимают пагубное решение, поддерживаемое иногда властолюбивым батюшкой, жить по такому же правилу. Но что говорят по этому вопросу святые отцы?

О жизни по послушанию святитель Игнатий сообщает следующее: *«Иноческое послушание в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постыжение его и полное подражание ему сделались для нас невозможными».*

Стремление к полному послушанию духовнику в наше время, пишет он одному из своих духовных чад, глубоко ошибочно: *«Напрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только среди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым, и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только перед духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им».*

И открывает часто скрываемые причины желания послушничества и печальные последствия слепой, нерассуждающей веры в духовника: *«И многие думали проходить послушание, а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением. Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечения юности своей. О слепых вождях и водимых ими сказал Господь: если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мф. 15. 14)».* *«Иноческое послушание, пишет Святитель, - процветало при обилии духовных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания... вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтобы предмет ее был истинный и духовный; тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к испуганному фанатизму».*

Особенно строго Святитель предупреждает: *«Если же руководитель начнет искать послушания себе, а не Богу, — не достоин он быть руководителем ближнего! — Он не слуга Божий! — Слуга диавола, его орудие, есть сеть! Не делайтесь рабами человек (1 Кор. 7. 23), — завещает Апостол».*

Святитель Игнатий отвечает и на одно из самых распространенных возражений со стороны ревнителей безрассудного послушания: *«Возражат: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола (2 Фес. 2. 10–12)».* И приводит слова одного из великих подвижников древней Церкви: *«Преп. Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожителем с которым оказывается душевредным, очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви».*

Святитель резко пишет о лжестарцах, жаждущих славы от пасомых и власти над ними: *«Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливой доверчивостью, с плотским и кровавым разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала*

человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню!»

Но если жизнь по послушанию духовнику в наше время уже невозможна, то как быть христианину, ищущему правильного пути? На этот вопрос святитель Игнатий отвечает с исчерпывающей ясностью: сейчас должно жить, руководствуясь Евангелием и святыми отцами и пользуясь с большой осмотрительностью и осторожностью советами духовника. Он пишет: *«По учению отцов, житительство... единственно приличествующее нашему времени, есть житительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно проверять по писанию отцов».*

«Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями; но усваивай себе советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя!». И объясняет: *«Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен».*

Святитель Игнатий указывает и на очень важный психологический момент, присутствующий в отношениях «по совету»: *«Скромное отношение советника к наставляемому — совсем иное, нежели старца к безусловному послушнику».*

Святитель приводит пример того, как вели себя истинные наставники: *«Преподобный Нил Сорский [XV в.] никогда не давал наставления или совета прямо от себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особенно позднейших. Его держались... иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов от себя... Это давало советам их силу».*

Назидателен личный пример самого святителя Игнатия. Одному из своих адресатов, просящих его руководства, он писал: *«Знайте, что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле исполнить его или не исполнить. В том и другом случае будьте мирны».* *«Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благой целью, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения: благословляю призыванием благословения Божия».*

«Говорю только вопрошающим, и то, когда уверен, что вопрошают искренно, по требованию души, а не мимоходом или по любопытству».

Таков голос святого наставника по этому, едва ли не самому ответственному и насущному вопросу христианской жизни верующего в настоящее время.

Этот краткий обзор основных положений аскетического учения святителя Игнатия показывает насколько глубоко и тщательно рассматривал он все основные вопросы духовной жизни. Его суждения и оценки при этом всегда и неизменно исходили из единственно достоверного источника – богословского наследия святых отцов. Этот непоколебимый фундамент Православия был основой всего его творчества, всех его сочинений, что сделало их настоящей духовной энциклопедией православной веры. В настоящее время, когда появляется много работ о духовной жизни самых разных авторов, в том числе иногда лишь недавно принявших христианство, иногда вообще не имеющих богословского образования, творения святителя Игнатия приобретают особенно большое значение надёжного и бесспорного критерия в их оценке. В то же время для множества верующих они являются, как сказал преподобный Никон (Беляев) Оптинский, действительно святоотеческой *«азбукой духовной жизни»*.

Алексей Осипов